

бы та ни понималась. Все эти функции собирают для читателя «тело» текста в качестве репрезентирующей состояние мира и его предметов информации. Не перестают они работать и там, где мы находим не самые благоприятные условия для стабилизации восприятия, когда его настигает информационный потоп, а бесконечность альтернатив блокирует саму возможность различения информации. Безусловно, это сказывается на точности человеческого прогноза, да и самой типологизации явления («Миллиарды смыслов, сталкиваясь, не славу приносят мысли, но гибель»), но не отменяет характер сборки и назначение текста. Проблема текстологии открывается не только как проблема доверия к записи, как проблема определения текста в качестве носителя информации, хотя здесь мы уже оказываемся перед некоторой величиной сообщения, которая предъясвляет себя, по Лему, как мнимая, требует своего объяснения. В мире, где приходится терпеть всё новое как категорически предписанное, открытое по дороге в неопределённое уже «туда» (хотя, по ощущению, может у Лема определяться как всё ещё «ввысь») [1, с. 225-226], текст не может не брать на себя функции ассистента по переводу и переходу читателя в новый режим сообщения и мысли, новое состояние чтения, потребует следовать его инструкциям. И в число таковых входят правила странной игры в невозможное, у Лема – мистификация производства несуществующего текста, указывающего на какой-то ещё, и вынужденное молчание его самого как автора. Игра фикциональна и дегенеративна, она осуществляет, но и отменяет то, что здесь случается как попытки записи его мнимой речи.

Список литературы

1. Лем С. Библиотека XXI века: сб.: пер. с пол. М.: АСТ, 2005. 602,[6] с.
2. Лем С. Философия случая; пер. с пол. Б.А. Старостина. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Граниткнига, 2005. 767, [1] с.
3. Язневич В.И. Станислав Лем. Мн.: Книжный дом, 2014. 448 с.

ПАРАДОКСЫ УРБАНИЗАЦИИ В ЗЕРКАЛЕ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Голубков С.А.

Самарский национальный исследовательский университет

имени академика С.П. Королева,

кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, профессор

В статье дается обзор тех психологических, социокультурных проблем, парадоксальных ситуаций и противоречий, которые неизбежно порождает бурный процесс глобальной урбанизации. Речь идет о том, что эти проблемы интересуют писателей-фантастов, занимающихся на страницах своих книг футурологическими прогнозами. Писатели рассматривают город как целостную искусственную среду, которая будет развиваться либо в союзе, либо в конфликте со средой естественной, природной. Попытки создать идеальный город либо как архитектурный проект, либо как романский образ чаще всего оказывались тщетными, приводили к очередному утопическому решению. Город как квинтэссенция технологических возможностей оборачивался машиной тотального контроля. Писатели-фантасты пользовались языком современных мифологем, средствами символического абстрагирования. Человек в фантастических произведениях становится пленником города-машины, заложником городской логистики, избыточного прессинга коммунальности, тотализации мира изменчивых вещей. Человек в этой системе сам становится вещью, монофункциональным модулем, что ведет к редукции Личностного. Коммуникационные возможности Интернета сделали возможным

появление феномена «виртуального города», который позволяет человеку совмещать физическую вневременность и одновременную сопричастность. Угрозу цивилизации могут нести не только внешние факторы, но фактор внутренний – утрата человечеством стремления к развитию, как это описано в романе Ч. Айтматова «Тавро Кассандры».

Ключевые слова: парадокс, урбанизация, футурология, прогноз, идеальный город, утопия, экспансия вещей, феномен виртуального города, редукция Личностного.

PARADOXES OF URBANIZATION IN THE MIRROR OF FANTASTIC LITERATURE

Golubkov S.A.

Samara University,

Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Professor

The article provides an overview of the psychological, socio-cultural problems, paradoxical situations and contradictions that are inevitably generated by a rapid process of global urbanization. We are talking about the fact that these problems are of interest to science fiction writers who are engaged in futurological forecasts on the pages of their books. The writers consider the city as an integral artificial environment that will develop either in union or in conflict with the natural environment. Attempts to create an ideal city either as an architectural project or as a novel image often turned out to be futile, leading to another utopian solution. The city as the quintessence of technological capabilities turned into a total control machine. Science fiction writers used the language of modern mythologies, the means of symbolic abstraction. A person in fiction becomes a prisoner of the city-machine, a hostage of urban logistics, excessive pressure of communal relationships, totalization of the world of changeable things. A person in this system becomes a thing, a monofunctional module, which leads to the reduction of the Personal. The communication capabilities of the Internet have made possible the emergence of the "virtual city" phenomenon, which allows a person to combine physical out-of-the-way and simultaneous participation. Not only external factors can pose a threat to civilization, but also an internal factor – the loss of humanity's desire for development, as described in Ch. Aitmatov's novel "Brand of Cassandra".

Keywords: paradox, urbanisation, futurology, forecast, ideal city, utopia, expansion of things, virtual city phenomenon, reduction of Personal.

Избираемая писателями тематика фантастических произведений достаточно подвижна и зависит от тех проблем, которые ставит перед обществом меняющееся время. Станислав Лем в книге «Фантастика и футурология» констатировал: «Для научной фантастики характерна кучность тематической моды, которую легко выявить, сгруппировав произведения по годам написания. На соответствующем графике можно было бы показать, как диахронически нарастали и угасали отдельные монотематические волны. Так, период атмосферных атомных испытаний вызвал к жизни лавину произведений, в которых радиоактивность была показана причиной многотысячных несчастий (“обезьянья инволюция” человека; возникновение людей-чудовищ и порой – суперменов, телепатов, монстров типа японской Годзиллы, агрессивных насекомых, наделенных разумом и т.д.). Период “холодной войны” усилил эсхатологическое направление атомного катаклизма. Годы маккартизма и антикоммунистической истерии породили множество текстов, изображающих нападение “красных” и полицейские диктатуры. Первые сообщения об удачных трансплантациях сердца затопили книжный рынок историями о “каннибализации” человеческого тела (рассмотренный нами рассказ

Ларри Нивена “Органлеггеры” был приведен лишь в качестве примера; этот автор – и не он один – написал ряд других текстов на аналогичную тему). Усиливающаяся “волна секса” также соответственно оплодотворила умы авторов» [9, с. 302-303].

В связи с такими колебаниями тематических предпочтений авторов мы можем сказать, что сейчас одной из приоритетных является урбанистическая тематика.

Развитие цивилизации убедительно продемонстрировало, что большой город – наиболее перспективная модель человеческого поселения. Большой город отличается многофункциональностью, и это позволяет ему удовлетворять все насущные потребности своих жителей – экономические, социально-коммуникационные, профессиональные, образовательные, социокультурные. Американский футуролог и публицист Элвин Тоффлер в книге «Шок будущего» (1970) писал: «Мы сейчас переживаем наиболее экстенсивную и быструю урбанизацию, какую мир когда-либо видел» [14, с. 36]. За 50 лет, прошедших с момента написания этих строк, процесс урбанизации только многократно ускорился и стал многослойным.

Постепенное усложнение городской жизни (разрастание городской территории, увеличение форм и видов производства, экономических связей, социальных институтов, площадок культурной коммуникации, появление новых технологических возможностей) порождало и новые проблемы. Превращение больших городов в мегаполисы и агломерации многократно увеличивало масштаб и социальный резонанс этих проблем.

Природе изначально враждебен город. Экспансия города – это агрессивное доминирование Искусственного над Естественным, Рационального над Иррациональным или Внерациональным.

Доминанта урбанизации в индустриальную эпоху – движение вверх, это *вертикаль*. Дома упорно лезут в небо, наращивая этажи. Земля в городском центре дорогá, надо из каждого квадратного метра выжать максимум пользы. А все устремляются в центральную часть города, ведь здесь кипит деловая, культурная жизнь. Надо быть в водовороте событий и, как говорится, «держатъ руку на пульсе». Доминанта урбанизации в современную постиндустриальную, информационную эпоху – нечто противоположное. Это движение во все стороны по *горизонтали*, вширь. Зачем ежечасно торчать в центре, когда современные средства связи и информационные технологии позволяют многое сделать дома. Население перетекает в пригороды, иногда даже стремительным потоком. Одно- и двухэтажная Америка расползлась по своим океанским побережьям именно так, адекватно отвечая на запросы нынешнего времени. Таким образом, урбанизация меняет свои формы, но, повторяю, процесс это объективный и неизбежный. Так происходит во всем мире, может быть, только с разной скоростью и разной степенью продуманности градостроительных проектов.

Перед человечеством постоянно возникал и возникает вопрос – каким будет город будущего? И это понятно. Многоаспектная деятельность мыслящих персон не может обойтись без двух интеллектуальных операций: *диагноза* как критического анализа всего сущего и *прогноза* как вероятностного моделирования будущего. Диагноз позволяет строго оценить предлагаемые проекты форм грядущей жизни, а главное, ответить на вопрос – готовы ли мы к такому повороту, если учесть все то, что мы реально имеем?

Одними из первых попытались ответить на вопрос «Каким будет город будущего?» архитекторы, предлагая свои порой очень радикальные решения обустройства города как места проживания, работы и отдыха огромных людских масс. Во главу угла архитекторы ставили эффективность взаимодействия всех элементов города как сложной системы. Порой это приводило к утопическим крайностям. «Реформаторы не раз попытаются слить все более расходящиеся идеальные цели воедино – построить город-сад, в котором царили бы общественная гармония и мир. И не единожды архитектурная утопия покажет, насколько тщетно стремление выровнять и спрямить извилистый и неровный путь исторического развития» [2, с. 179].

В многочисленных интернет-источниках можно прочитать о таких футуристических проектах идеального города, как китайский «*Донгтаун*» (гармоничный союз города с природой), «*Тритон-сити*» Бакминстера Фуллера (плавающий город), «*Броадакр*» Франка Ллойда Райта («город широкого простора» с индивидуальными домами, снабженными личным земельным наделом), «*Мир Диснея*», «*Сламлесс*» Эбенезера Говарда («город без табачного дыма»), «*Калифорния*» Нэта Мендельсона (город-парк с искусственным озером), «*Миннесота*» (экспериментальный город без автомобилей, в котором 5/6 территории отведено паркам, фермам, диким полям, с практикой непрерывного самообразования его жителей), «*Безумие Стюарда*» (проект города-моста, покрытого огромным куполом из стекла и переброшенного через залив на Аляске, назван по имени создателя Уильяма Стюарда), «*Хмельной город*» Мэла Джонсона (проект курортного городка, живущего только культурой питья), «*Ауровиль*» (реально существующий в индийском тропическом лесу город для медитаций, 50 тысяч жителей которого съехались со всего света в поисках особого стиля жизни, посвященного работе над собой), «*Корабль свободы*» (современный проект плавающего города).

Фантастика в искусстве – это часто прямое порождение реальности, развитие каких-то ее сущностных черт. В статье о Герберте Уэллсе Е. Замятин подчеркивал закономерность появления именно в Англии рубежа XIX-XX веков такого художника, как Уэллс: «Эта каменная, асфальтовая, железная, бензинная, механическая страна – называется сегодняшним XX столетия Лондоном, и, естественно, тут должны были вырасти свои железные, автомобильные лешие, свои механические, химические сказки. Такие городские сказки есть: они рассказаны Гербертом Уэллсом. Это – его фантастические романы» [5, с. 363]. Автор статьи фиксировал свое внимание на урбанистических мотивах, особенно обнаженных в творчестве английского фантаста, на идеях научного гипотезирования: «Почти все сказки Уэллса построены на блестящих, неожиданнейших научных парадоксах; все мифы Уэллса – логичны, как математические уравнения» [5, с. 364].

Чем отличается отображенный фантастической литературой город? Во-первых, это **наглядная квинтэссенция** всех обретенных человечеством или инопланетным социумом технологических возможностей. Во-вторых, это масштабная **машина тотального контроля** и манипулятивного воздействия на сознание населения. Именно поэтому город – излюбленная площадка действия в фантастических романах. Это отразилось и в их названиях, где слово «город» или название города вынесено на первый план: «Гелиополис» Германа Юнгера [17], «Города красной ночи» Уильяма Берроуза [3], «Ленинград» Михаила Козырева [11], серия рассказов «Город» Клиффорда Саймака [12], «Город и звезды» Артура Кларка [6], «Град обреченный» братьев Стругацких [13], «Москва. 2042» Владимира Войновича [4].

В разные исторические эпохи создавались различные литературные модели будущего. Конкретная политическая ситуация и социальная практика накладывали свой отпечаток. Если в начале XX века писатели-фантасты чаще были очарованы техническим прогрессом, то современные литературные модели будущего не столь лучезарны, они не свободны от страха перед Грядущим. Этим страхом подпитывается и современная урбанистическая мифология. Мифологические мотивы использовал японский писатель Сакё Комацу в своем романе-предупреждении «Гибель Дракона» [7], где изображены гибнущие в результате чудовищного землетрясения японские города, уходящая в океанские воды страна. В предисловии к роману Е. Парнов отмечал: «Казалось бы, какое место может занимать мифология в век атома и кибернетики? Но подобно тому как в тени небоскребов из стекла и стали скрываются сады камней и храмы, возведенные из стволов священных криптомерий, она тайно пронизывает неповторимый образ мысли жителей страны Ямато, сумевших вдохнуть жизнь в бесплодные скалы» [7, с. 13].

Да и в обычной повседневной жизни люди начинают верить в каких-нибудь гигантских крыс, живущих в подземельях метрополитена, кинематографисты в

фантастических боевиках начинают эксплуатировать мотивы «взбесившихся и вышедших из-под человеческого контроля машин», «чужих среди нас», «наличествующих среди пространства города таинственных порталов в другое измерение». Различные варианты неомифологических мотивов в фантастической литературе исследовала А.Б. Ройфе в своей книге, вышедшей в 2006 году [10].

Нередко вероятный город будущего создается средствами символического абстрагирования. Так, Полис, изображенный в 1920 году Е. Замятиным, не сопоставим с реальными прототипами. Город-государство, заселенный единообразными и единосущными «нумерами», принципиально лишен точной прикрепленности к конкретному континенту, конкретному народу, конкретному историческому времени. Е. Замятин выходит за пределы современных ему исторических, национальных проблем, берясь за вопросы культурологические, социально-прогностические.

В последние годы город как семиотическая система стал объектом многих междисциплинарных исследований, авторами которых выступают историки и философы, культурологи и искусствоведы, социологи и психологи, литературоведы и лингвисты. Литературоведа, прежде всего, занимает семантический потенциал образной модели города, с разными целями встраиваемой писателем в художественную систему своего произведения. И такой интерес к изучению города как знаковой системы понятен, ведь во всем мире идет интенсивный процесс урбанизации.

Уходящая корнями в прошлое проблема взаимоотношений современного человека с искусственной средой стала в наше время весьма драматичной, и это напряжение с каждым годом нарастает, ставя человека перед вызовами экологического, психологического и этического порядка. Социальный философ И.Н. Хряпченкова посвятила этой проблематике свою докторскую диссертацию «Человек в искусственной среде: стратегия социальной жизнедеятельности». В автореферате диссертации она отмечает: «XX в. поистине может быть назван веком искусственного: бурная урбанизация сопрягается с промышленным прогрессом, что обуславливает нарастание и предельную концентрацию искусственного» [16, с. 1]. И сложную дихотомию *искусственного* и *естественного* в сознании и бытии человека она выводит из урбанистического контекста. «Необходимость анализа широкого спектра работ отечественных и зарубежных авторов по проблемам урбанистики обусловлена тем, что в пространстве урбанизированной среды достигается максимальная концентрация искусственного: городская среда и есть наиболее развитая и в определяющей мере гипертрофированно искусственная среда» [16, с. 4-5].

Антрополог Елена Трубина, опираясь на типологию Питера Лангера, пишет в статье «Джунгли, базар, организм и машина: классические метафоры города и российская современность»: «В классической социальной теории, в посвященной городу литературе сложилось, как минимум, четыре метафоры городского “организованного разнообразия”, а именно: город как *базар*, город как *джунгли*, город как *организм* и город как *машина*». В художественной фантастической литературе все большее и большее распространение приобретает метафора «*город-машина*» [15].

Житель большого города постоянно сталкивается с целым рядом вызовов и проблем психологического и социокультурного порядка. Перечислим их.

Так, горожанин постоянно оказывается в плену у *логистики*. Его повседневная жизнь подчинена транспортным расписаниям, оптимальным маршрутам поездок, учету пересадок, переходов, автомобильных развязок, графикам работы учреждений, поликлиник, магазинов. Это весьма суетное существование человека измеряется не сменой времени суток (такими крупными единицами, как утро, полдень, вечер...), как в старинных романах об усадебной жизни, но бегом минутных, а то и секундных стрелок.

Вспомним выразительные кадры из фильма Андрея Тарковского «Солярис» (1972), в которых один из героев картины Анри Бертон мчится на беспилотном автомобиле по бесконечным бетонным развязкам и тоннелям колоссального мегаполиса. Еще более впечатляющие кадры находим в фильме Люка Бессона «Пятый элемент» (1996), где герой

стремительно перемещается в летающем автомобиле по невидимой паутине внутригородских воздушных маршрутов, подчиняясь хитроумной навигационной автоматике.

Горожанин при этом постоянно подвергается испытанию **тотальной коммунальностью**. В городе он всего лишь один из многих, частица потока, элемент очереди, крупица множества, этой весьма агрессивной из-за каждодневной озабоченности «икры голов».

Обитатель города на себе постоянно ощущает **тотализацию вещного** мира. Это зачастую порождает неврозы, стрессовые срывы. Причем раздражает не столько растущее в геометрической прогрессии само количество обиходных вещей и вещей, сколько их **непрестанная изменчивость**. Э. Тоффлер отмечал: «Текучесть вещей в нашей жизни безудержно возрастает. Мы сталкиваемся со все увеличивающимся потоком предметов одноразового использования, неустойчивой архитектурой, мобильными и модульными изделиями, предоставляемыми внаем товарами и предметами потребления, изготовленными на короткий срок. Все эти факторы оказывают одинаковое воздействие, утверждая неотвратимую эфемерность взаимоотношений человека и вещи» [14, с. 85].

Еще писатели первой половины XX века отражали сложный спектр отношения человека к вещи и вещи в его жизни. Нередко художники слова напрямую обращались к приемам фантастики, чтобы через призму фантастического парадоксально вскрыть чреватую драматическими изломами власть вещи над человеком. Это мы обнаруживаем в рассказах С. Кржижановского «Дымчатый бокал», «Квадратуриин», «Мишени наступают» [8].

Фантастическая литература охотно изображает трансформацию вещей. В какой-то степени логика развития современной городской цивилизации такова, что уже и самому человеку отводится функция **монофункциональной вещи**. Огромные мегаполисы сегодня «разбирают» человека на ипостаси, предписывая ему однолинейные «социальные роли». Он неизбежно становится простым модулем в рационально организованной машине Города. Учитывая эту опасность, только культура в целом (и литература в частности) может **«собрать»** человека целиком, **открыть в человеке целостную Личность**.

Технологически сложная и совершенная вещь, скажем, тот же робот, может сузить поле персонального существования человека. Сокращается число контактов человека с человеком. Различные терминалы и «умные» устройства оказывают человеку услугу, отличающуюся своей **анонимностью** и строгой машинной регламентацией. С роботом не перебросишься словом, не обменяешься взглядами. В каких-то случаях это хорошо (занятому человеку не надо тратить пусть даже секунды времени на информационный мусор), но в других случаях это плохо (увеличивается зона герметичности жизни пожилого человека, и так испытывающего порой дефицит общения).

Еще один аспект: экспансия вещей превращает горожанина в жертву собственных прихотей. Отсюда стремление быть **модным**, погоня за внешне понимаемой респектабельностью. Среди многих функций вещи (прагматическая, сакральная, статусная, мемориальная, эстетическая...) на первое место выходит функция статусная. Человеком овладевает тщеславное желание «переплюнуть всех». При этом внешнее разнообразие (смена интерьеров жилища, фасонов одежды, марок автомобилей, маршрутов престижных поездок) зачастую служит всего лишь **компенсацией** удручающего внутреннего однообразия, духовной бедности личности. У больших интеллектуалов их повседневная жизнь, напротив, порой бывает весьма однообразной, ведь все яркие события происходят в глубине их постоянно пульсирующего творческого сознания.

Мы живем в эпоху динамического обновления ценностных ориентиров и подвижки различных границ – границ между личным и публичным, между сокровенным и откровенным. Порой у многих участников коммуникации (в каких бы формах она ни происходила) обнаруживается скудость приватного мира. И тогда *суть* подменяется

обманчивой *видимостью*. Пестрый ряд внешних актов самопрезентации служит ширмой, удобно заслоняющей неполноту внутреннего мира. Демонстрируя вещи (одежду, интерьеры, пищу, предметы бытового обихода) или внешние моменты (различные позы на фотографиях, ракурсы, так называемые «приколы»), субъект коммуникации создает *псевдособытийность*. Мы знаем, что потенциалом подлинной событийности обладает реальный социальный конфликт. Внутренним и судьбоносным событием для субъекта может стать выношенная, доподлинно выстраданная *мысль*. Статус события имеет пережитое эмоциональное *потрясение* от какой-то внезапной и непоправимой беды. Но, увы, часто участники интернет-коммуникации делятся между собой пестрой поверхностной шелухой суетного каждодневья. И руководствуются они при этом одним – лишь *напомнить* о себе.

Возникновение Интернета и его коммуникационных возможностей привнесло новые смыслы в понимание системы отношений человека и города. Изначально город был удобным и топографически конкретным *местом* межчеловеческого общения, получения человеком разнообразной актуальной информации, местом товарообмена, в том числе и обмена культурными продуктами и ценностями, наконец, местом предъявления человеком своей гражданской позиции. На базаре старинного восточного (да и не только восточного) города *общались, узнавали новости, обменивались товарами, услугами, культурными продуктами*. Сейчас изменилось понимание места как такового. Социальные сети сблизили людей, физически разделенных тысячами километров. Появилось новое явление, совмещающее в себе физическую *внезаходимость* и одновременную *сопричастность*. Это явление можно назвать феноменом *виртуального города*, пространства в принципе безграничного, в котором сетевой персональный аккаунт стал очень оживленным, многолюдным перекрестком.

Мышление имеет пространственную природу. Мы мыслим пространственными образами. Дом, город, мир – это базовые пространственные структуры. Они онтологичны, связаны с главными законами бытия. У каждой из этих ментальных структур целый веер значений. Виртуальный город, будучи феноменом XXI века, соединяет совершенно новыми и неожиданными связями Дом, Город и Мир как базовые универсалии. Современная ситуация пандемии коронавируса с переводом многих производственных отношений, информационных обменов, творческих презентаций, личностных контактов в on-line формат наглядно демонстрирует различные аспекты такого *превращения (виртуализации)* городского уклада жизни.

Современная фантастика полна предчувствия вселенских катастроф, апокалипсических ожиданий. При этом все изображаемые вероятные угрозы, так сказать, осязаемы, предметны, вещны, ведь их носители – либо *природные* предметы (какой-нибудь астероид), либо предметы *«рукотворные»* (технически совершенные устройства инопланетных пришельцев – транспортные средства, роботы, оружие, приборы).

Но вот совсем другую угрозу человеческому бытию отобразил Чингиз Айтматов в романе «Тавро Кассандры». Писатель был открыт актуальным спорам о судьбах культуры и цивилизации, он вводил не только древние легенды и мифологемы, но и фантастико-футуристические образы и мотивы в свои произведения, размышлял об угрозах и вызовах, перед лицом которых стоит современный человек. Но что, если угроза исходит из самого человека? Что будет, если человек вдруг потеряет «вкус к жизни», тот неистребимый интерес ко всему новому и непознанному, который вел его через века, что, если он остановится в своем развитии, не озаботится передачей эстафеты будущим поколениям, да и самих этих поколений не произведет?

В романе «Тавро Кассандры» ткань всего повествовательного целого прошивает фантастический сюжетобразующий мотив появления у человеческих эмбрионов изначального *нежелания рождаться*. Герой романа, космонавт-исследователь, ставший по доброй воле космическим монахом Филофеем и обрекший себя на одинокое внеземное скитальчество, делает открытие, что еще в период «внутриутробного развития

человеческий зародыш способен интуитивно предугадывать то, что ожидает его в грядущей жизни, и проявить свое отношение к потенциальной судьбе» [1, с. 135]. У женщины, ожидающей рождения такого ребенка, появляется маленькое пигментное пятнышко – «тавро Кассандры». Филофей задается вопросом: «Чем вызвано такое нарастание незримого бедствия – готовности эмбрионов уклониться от потока жизни, исчезнуть в небытии, не вступить в борьбу за существование – и что оно предвещает?» [1, с.137].

Ученого этот вопрос мучает, требует хоть сколько-нибудь приемлемой разгадки. И как всё и всегда у Айтматова, так и здесь фантастика неразрывно связана с неразрешимыми этическими проблемами, с вековечным противостоянием Добра и Зла. Футуролог Роберт Борк в разговоре с женой Джесси сокрушается по этому поводу: «Ведь как бы ни был страшен вулкан, он извергнет лаву и затем утихнет, угаснет. А ветры зла людского не угасают. Вот в чем суть. Так уж устроено в нашей жизни: добродетели – всегда дефицит, зла – всегда в избытке, всегда через край. И вот представь себе, когда совершается на земле нечто такое, что мы не в силах остановить и чему даже находим оправдание в потемках душ и разломах сознания, убивая, истязая, подавляя, омерзительно обманывая самих себя, киты плывут к нам в отчаянии и страхе. Потому что разум мировой грозит рухнуть, самоликвидироваться, а значит, кануть в бездну, исчезнуть. И это страшит всякую тварь безмолвную концом света. Этого живые существа интуитивно боятся» [1, с. 165].

И кто знает, может, к утрате человеком внутренних жизненных стимулов к продолжению рода приведет его безрезультатное соперничество с набирающим силу Искусственным Интеллектом? Или это будет итог рокового вмешательства Искусственного Интеллекта в генетическую программу человека? Так, совсем небольшая редакция генома, и в эволюции человека наступит пауза или окончательная остановка. Как видим, сам современный прогресс науки и техники постоянно предлагает писателям-фантастам новые темы для художественного воплощения.

Список литературы

1. Айтматов Ч. Тавро Кассандры // Айтматов Ч. Белый пароход. М.: Издательство АСТ, 2018.
2. Батракова С.П. Искусство и утопия: Из истории западной живописи и архитектуры XX в. М.: Наука, 1990. 304 с.
3. Берроуз У.С. Города Красной Ночи. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Компания Адаптек», 2005. 398 с.
4. Войнович В. Москва 2042 // Вечер в 2217 году [Сборник]/ Сост., авт. предисл. и коммент. В.П.Шестаков. М.: Прогресс, 1990. 720 с.
5. Замятин Е.И. Сочинения. М.: Книга, 1988. 575 с.
6. Кларк А. Город и звезды: фантастические повести: перевод с английского; сост. А. Жикаренцев. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. 683 с.
7. Комацу Сакё. Гибель Дракона // Японская фантастическая проза: Пер. с яп. Предисл. Е. Парнова. М.: Мир, 1989. 591 с. (Библиотека фантастики: В 24 т. Т. 22).
8. Кржижановский С. Неукушенный локоть. Собрание сочинений. Т. 3. Сост. и комм. В. Перельмутера. СПб.: «Симпозиум», 2003. 673 с.
9. Лем С. Фантастика и футурология: В 2 кн.; Пер. с пол. Е.П. Вайсброта, В.И. Борисова. Кн. 2. М.: АСТ: Хранитель, 2008.
10. Ройфе А.Б. Неомифологическая фантазия в фантастике XX века. М.: ООО «Международный центр фантастики», 2006. 96 с.
11. Русская антиутопия: Антология / Сост. В. Перельмутер. М.: Б.С.Г. – Пресс, 2014. 636 с.
12. Саймак К. Город. М.: Эксмо, 2006. 320 с.

13. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Град обреченный; Второе нашествие марсиан: фантастические романы; сост. Н. Ютанов; послесл. С. Переслегина; ил. А. Карапетяна. СПб.: Terra Fantastica [и др.], 1997. 555 с. (Миры братьев Стругацких).
14. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
15. Трубина Е. Джунгли, базар, организм и машина: классические метафоры города и российская современность // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_70/ (дата обращения: 20.10.2020).
16. Хряпченкова И.Н. Человек в искусственной среде: стратегия социальной жизнедеятельности: Автореф. дис. ...доктора философских наук. Нижний Новгород, 2004.
17. Юнгер Э. Гелиополис. // Гелиополис: Сборник. Пер. с нем. / Сост. Архипова Ю.И.; Предисл. Дранова А.В. М.: Прогресс, 1992. 814 с.

ЧИТАЯ ПУШКИНА ГЛАЗАМИ ЛЕМА

Горбатов Д. Б.

Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского,
Управление международного сотрудничества, переводчик

В статье рассмотрены и проанализированы глубокие связи между стихотворением Пушкина «Анчар» (1828) и романом Лема «Непобедимый» (1955–1964). В качестве исходной посылки взят подход к творчеству Пушкина, изложенный Сергеем Довлатовым в повести «Заповедник» (1977–1983). Писатель отмечает «олимпийское равнодушие Пушкина... готовность принять и выразить любую точку зрения... [его] неизменное стремление к последней высшей объективности... и сочувств[ие] движению жизни в целом...»; при этом Довлатов отдельно подчёркивает крайне нетипичное для российской «официальной» пушкинистики мнение о том, что творчество поэта «выше нравственности, побеждает нравственность и даже заменяет её». С такой точки зрения, отношения между властителем и рабом, который отправляется за «суперъядом», убивающим всё живое вокруг, можно понять не просто как подчинение человека *подвластного* человеку *властному* (здесь власть – *разрушающая* сила: «первый» уровень рассмотрения), а как имманентное стремление Человека *познать* опасную тайну Природы и *овладеть* ею (здесь власть – *созидающая* сила: «второй» уровень рассмотрения), даже ценой собственной жизни (феномен *жертвенности первооткрывателя*); причём такое познание превращается в «летальное оружие», что ставит под угрозу само существование человечества. Кроме того, здесь появляется возможность увидеть экзистенциальное «раздвоение» на господина и раба внутри одной, *цельной* личности («третий» уровень рассмотрения) – как это представлено в древнеавилонском Диалоге о Благе (10-й век до н. э.). В заключение высказывается мысль о том, что – вне зависимости от того, знал Лем стихотворение Пушкина или нет, – он «продолжает» идею «Анчара», как бы перенося её в далёкое будущее, где человек способен не только безответственно вторгнуться в опасную тайну природы, но также осознать все последствия такого вторжения и отступить, – однако отступить не как проигравший, а как «равный» познанной тайне, осознавая всю меру тяжкой ответственности, которую невозможно «просчитать» заранее.

Ключевые слова: *А. С. Пушкин, «Анчар», С. Лем, «Непобедимый», диалектика власти, «Диалог о Благе», Человек и Природа*